

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

VIII Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление»

Симпозиум был проведен 18 – 19 октября 2011 года в Институте философии РАН с участием в его организации Института философии РАН, Института психологии РАН, Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Института экономических стратегий при отделении общественных наук РАН, Института рефлексивных процессов и управления, Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования, Российского фонда развития высоких технологий, Кафедры «Мировой политики» НИУ ВШЭ.

В симпозиуме приняли участие специалисты из России, США, Японии и ряда стран ближнего зарубежья. В отличие от предыдущих симпозиумов среди участников резко возросло представительство философов. Программа симпозиума была крайне насыщенной, за два дня кроме пленарного заседания были проведены два круглых стола и четыре секции.

Круглый стол 1 «Рефлексивно-активные среды инновационного развития Рефлексивно-активные среды инновационного развития».

Круглый стол 2 «Рефлексивный анализ сценариев российского развития».

Секция 1 «Рефлексивные аспекты организации саморазвивающихся сред». Руководители: Аршинов В.И., Лепский В.Е.

Секция 2 «Социогуманитарные исследования рефлексивных процессов». Руководители: Войцехович В.Э., Петровский В.А.

Секция 3 «Проблемы развития рефлексивных способностей». Руководители: Анисимов О.С., Семенов И.Н.

Секция 4 «Моделирование и поддержка рефлексивных процессов». Руководители: Малинецкий Г.Г., Малков С.Ю., Моисеев В.И.

На симпозиуме рассматривались старые и ставились новые вопросы, касающиеся векторов современного развития, обсуждалась роль субъектного подхода во всем комплексе наук и социальной практике, место рефлексивных технологий в продуктивном инновационном развитии. В центре внимания его участников находились две стратегически значимые темы: организация рефлексивно-активных сред для инноваций и сборка субъектов развития. С этим связано решение задач внедрения рефлексивных технологий в организацию социальных процессов, развитие рефлексивных способностей, а также моделирование и поддержка рефлексивно-активных сред в самых разных сферах современного социума.

В.Е. Лепский (Институт философии РАН) отметил, что в XXI веке развитие человечества все в большей степени переходит от эволюционного к проектному этапу, в связи с чем происходит и смена познавательной парадигмы: от каузального подхода (причинно-следственного) к телеологическому (целевая детерминация). Это формирует запрос на субъектно-ориентированный и рефлексивный подходы, дающих возможность сделать предметом исследований субъектные реальности, создать новые типы рефлексивных моделей (как формальных, так и «человекоразмерных»), на основе которых возможны разнообразные воздействия на субъектов (индивиды, группы и др.).

Мы становимся свидетелями и участниками сложнейших процессов сотрудничества и конфликтов субъектов реализующих разнообразные социальные мегапроекты. Чтобы разобраться в сложнейших хитросплетениях полисубъектных отношений в современном мире, нужна высокая культура рефлексивного мышления и системно-проектного подхода.

XXI век – это век социальной инженерии полисубъектных систем. Готова ли Россия к вызовам нового века? Сегодня явно нет. Только намечаются собственные стратегические ориентиры развития, зарождаются субъекты развития России, формируются адекватные новым проблемам различные виды обеспечения. В этих условиях остро встает вопрос о создании современного социогуманитарного обеспечения стратегического проектирования.

Современная наука оказалась не достаточно готова к бурным изменениям в мировом сообществе, обусловленным процессами глобализации и вступлением в эпоху «позднего модерна». Не готовы к ним оказались и управленцы. В результате в России практически разорвана связь между наукой и властной элитой. Отсюда актуальность проблемы поиска новых технологий динамического моделирования социальных систем, одновременно ориентированных и на сборку субъектов развития.

Важнейшая причина современного кризиса проблематики социального управления и развития связана с тем, что реальности, с которыми имеют дело конкретные субъекты, не наблюдаемы для классической науки. Игнорирование этих реальностей приводит к потере целостности социального управления и развития, его бессубъектности, культу примитивной рациональности, редукционизму к экономическим, информационным и другим представлениям.

При этом никоим образом не следует понижать роль формального (математического) моделирования. Меняется методология - головными в моделировании перестают быть математики, приглашающие ранее

социогуманитарных специалистов «прояснить» отдельные параметры своих моделей - главными становятся специалисты социогуманитарного профиля, которые приглашают математиков к встраиванию их моделей в базовый «социогуманитарный каркас» нового поколения моделей социальных систем.

В докладе *А.Л. Журавлева* (Институт психологии РАН, совместно с Н.Т. Нестик) отмечалось, что в отечественной социальной психологии рефлексивность как групповая характеристика была выделена в качестве одного из важнейших признаков группового субъекта, наряду с взаимосвязанностью членов группы и совместной активностью. За рубежом понятие групповой рефлексивности было введено в научный оборот М. Вестом, предложившим понимать под ней степень, в которой члены группы склонны к открытому обсуждению целей их совместной деятельности, используемых способов решения задач и групповых процессов, адаптируя их к ожидаемым изменениям внутренних и внешних условий. Групповая рефлексивность включает в себя критическое осмысление результатов деятельности, поиск новых путей решения задачи, планирование и анализ совместных действий, приводящих к новому и более глубокому пониманию членами группы сложившейся ситуации. Ее составляющими можно считать регулярность совместной оценки результатов деятельности и извлечения уроков, обсуждения целей деятельности и общих проблем, претворения в жизнь договоренностей, достигнутых во время анализа совместного опыта, запрашивания обратной связи по итогам совместной деятельности.

Групповая рефлексия осуществляется через межличностное и внутригрупповое взаимодействие, в котором содержание сознания одних членов группы становится доступным для анализа других. В групповой рефлексии участники совместной деятельности оказываются по отношению друг к другу «зеркалами» и «символическими орудиями» самоанализа, выполняя роль «резонаторов» и помогая друг другу увидеть себя с позиции своей роли в совместной деятельности. Во-вторых, содержанием групповой рефлексии оказывается образ «Мы» и коллективная судьба, то есть те характеристики группы и события, которые значимы для всех или большинства ее членов в силу их взаимной зависимости в прошлом, настоящем и будущем. В-третьих, групповая рефлексия тесно связана с процессами социального влияния и лидерством и несвободна от групповых эффектов, проявляющихся при совместных обсуждениях и обмене знаниями: поляризации, сдвига к риску, эффекта «общего знания», групповых защитных механизмов.

В.И.Аршинов (Институт философии РАН) отметил позитивное значение введения В.Е.Лепским понятия рефлексивно-активных сред развития в современный методологический обиход в качестве интегративного инструмента «сборки» стратегических субъектов, формирующих образ будущего России и воплощающих его в действительность. Предлагаемый подход, будучи сам по себе методологически инновационным, одной из своих отправных точек берет представления В.С.Степина о постнеклассической рациональности, опираясь, в частности, на его ключевой тезис о конструктивном расширении и усложнении сферы рефлексивной деятельности субъекта постнеклассической науки как одной из ее основных специфических характеристик. В этом контексте представляет интерес соотнести средовую концепцию Лепского с представлениями синергетики второго порядка или синергетики сложности. Понятие «сложность» естественным образом присуще синергетике, *сложностное мышление* ее основной атрибут. Это обстоятельство стало осознаваться в последние годы все более отчетливо так же в связи с осмыслением статуса синергетики в контексте вышеупомянутых представлений Степина о становлении постнеклассической науки. Однако отправная точка этого осмысления несколько иная. Конечно, синергетика изначально опиралась на понятие активных нелинейных самоорганизующихся сред. Этот акцент особенно характерен для отечественной школы синергетики, ярко представленной работами С.П.Курдюмова, Е.Н.Князевой, Г.Г.Малинецкого, Д.С.Чернавского. Тот факт, что такого рода среды являются также и сложностными средами при этом, конечно, подразумевался, однако был, что называется, не в фокусе рассмотрения. В русле этого подхода самоорганизующиеся среды рассматривались преимущественно в рамках концептуальной оптики, ориентированной на объект. Синергетика сложностного видения, будучи изначально ориентированной на темпоральность, процесс, эмерджентность, предполагает переключение когнитивного гештальта на дополнительный к объектному видению субъектный полюс постнеклассической рациональности. Именно в процессе этого переключения от объекта к субъекту, в котором субъект становится фигурой, а объект-фоном и происходит «встреча» синергетики со сложностью. При этом, следуя традиции естествознания 20 века, по аналогии с фигурой квантово-механического наблюдателя как коммуникативного агента-посредника неклассического этапа познания, можно говорить о *наблюдателе сложности* как субъект-объектном посреднике, погруженном в рекурсивно организованное междисциплинарное поле постнеклассической науки. И здесь мы, так

же как и в подходе Лепского, сталкиваемся с задачей «сборки» наблюдателя сложности.

Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий и С.А. Посошков (Институт прикладной математики РАН) определили роль образовательных инициатив в развитии информационного пространства России. Они также подчеркнули актуальность постановки В.Е.Лепским проблемы создания рефлексивно-активных сред инновационного развития, решение которой стимулируется попытками найти выход из «инновационного тупика», в котором находится новая Россия. В настоящее время в Министерстве образования и науки многие решения в области исследований и опыта конструкторских разработок принимаются, исходя из «либеральной инновационной теории». В этом подходе во главу угла ставятся экономический эффект от внедрения новых технологий, инновационные институты, соответствующие западным стандартам, а также обновление политической системы, которое должно дать простор частной инициативе. Практическая реализация подобного подхода в течение 20 лет показала его несостоятельность.

До последнего времени в фокусе внимания гуманитарных дисциплин были отношения «субъект-объект» и взаимодействие «субъект-субъект». Однако на рубеже XXI века все более важной становится динамика в системе «субъект-среда». Анализ такой динамики и положен в основу теории инновационных сред.

Кроме того, повторение пройденного в инновационной сфере на историческом переломе в период смены технологических укладов, во время глубокого мирового социально-экономического кризиса не имеет перспектив в России. Различные области исследований развивались в своем темпе, в разное время в них появлялись математические модели. Можно сказать, что сейчас, говоря словами английского физика и писателя Чарльза Сноу, перебрасывается мост над «пропастью, разделяющей гуманитарные и естественные науки». Перенос концептуальных и математических моделей из естествознания в гуманитарную область во многом стал возможен благодаря теории самоорганизации или синергетике.

Социология достаточно хорошо представляет свойства социальных сфер, экономика – экономических, науковедение – научных. Однако новое, востребованное обществом (а не обязательно рынком) изобретение, открытие, технология связаны с взаимодействием процессов во всех этих средах, с их интерфейсом, переходом «элементов новой реальности» между средами. Для многих обществ и, в частности, для нынешнего российского, гуманитарные инновации в сфере образования, обеспечивающие развитие, не менее важны, чем

новые промышленные технологии. Поэтому и успех, и приложения теории зависят от того, насколько глубоко и конструктивно удастся прояснить процессы «на границах» социальных сред.

А.А. Пискунов (*Счетная палата РФ*) отметил, что продуктивность мультисубъектных сред прямо зависит от уровня рефлексии и коммуникативности составляющих их субъектов. Фактически речь идет о способности генерации, трансляции и восприятия образов и смыслов как сигналов, отражающих границы состояний, трансформацию среды и самих субъектов. При этом состоятельность познающих субъектов зависит от силы их притязаний (мотиваций) и мобилизуемых ресурсов (потенций).

Максимальный синергетический эффект состоятельности субъектов достигается при *резонансе их активностей* в условиях рефлексивно сопряженных сред. Величина отклика прямо зависит от энергетики многообразия (спектра) отражений (В.А.Лефевр), длительности и синхронности активностей субъектов кооперации (Г.П.Щедровицкий).

Современные информационные технологии активно используют возможности формирования рефлексивных резонансов («индекс сплоченности») и диссонансов («индекс мятежности») для манипуляции общественным сознанием в СМИ и социальных сетях. Докладчик предложил свой концептуальный подход для решения методологических проблем стратегирования социально-экономического развития, суть которого состоит в более строгом отборе методик мониторинга, контроля и оценки состояния макроэкономической мультисубъектной среды, идентификации имеющихся социально-экономических и управленческих потенциалов, определения эффективных механизмов распознавания, постановки и решения проблем стратегического характера. Развитие данного подхода возможно вследствие включения в XXI веке в контур научного анализа, наряду с объектами, методологических инструментов, рефлексизирующих знания субъектов, что способствовало синергии междисциплинарных исследований и практик.

Е.Н. Князева (*Институт философии РАН*) связала с понятием инновационной сложности представление об эмерджентных свойствах систем, возникающих в ходе их эволюции. Эмерджентность нельзя понимать упрощенно: это не просто непредсказуемость появления новых свойств. Когда мы говорим о непредсказуемости и непостижимости появления нового, мы подчеркиваем только гносеологический аспект новизны. Эмерджентность, как и креативная случайность, укоренена в бытии, имеет онтологическое основание. Когда говорят, что новое возникает спонтанно, ничем не детерминировано, то подчеркивают онтологический аспект.

Сложные структуры строятся на *активной среде* Новой концепцией, идущей от когнитивной науки, является концепция энактивности, т.е. вдействия сложной системы в среду. Сложная система изменяется, трансформируется и обновляется во взаимодействии со средой и от среды, она строит для себя свою среду, свое окружение (Umwelt), которое, в свою очередь, обратно воздействует на нее, ее определяя. Система и среда связаны петлями нелинейных обратных связей, по сути дела, они взаимно детерминируют друг друга, т.е. находятся в отношении ко-детерминации, они используют взаимно предоставленные возможности, пробуждают друг друга, со-рождаются, со-творяются, изменяются во взаимодействии и благодаря ему.

На симпозиуме были заслушаны десятки выступлений специалистов из различных регионов России, как правило, они носили прикладной характер и обогатили симпозиум связью с российскими реалиями.

Симпозиум продемонстрировал принципиально поисковый характер теории рефлексивных процессов в обосновании инновационного развития в условиях современной России, а также значимость сборки на этих основаниях нового субъекта социального управления во всем богатстве его характеристик. В целом, как подчеркнул В. Е. Лепский, выступая на завершении симпозиума, речь идет о создании «человекообразных» рефлексивно-активных сред динамического моделирования и развития социальных систем. В основу их организации положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем. Это та задача, которую должны решить российское общество и российское государство, окончательно избавляясь от болезни бессубъектности развития.

И.Е.Задорожнюк, доктор философских наук

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Том 11. январь-декабрь 2011. № 1-2

Издательство «Когито-Центр»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-61-02

E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru

www.cogito-centre.com

Сдано в набор 20. 11. 11. Подписано в печать 25. 12. 11

Формат 60 × 90/16. Усл. печ. л. 11. Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Белый ветер»